

От автора
бестселлера
«Шестое чувство»

Непротитая
ЖИЗНЬ

Дана Делон

Trendbooks

Дана Делон

Непрожитая жизнь

«Издательство CLEVER»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6821.161.1

Делон Д.

Непрожитая жизнь / Д. Делон — «Издательство CLEVER»,
2021 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00154-612-2

Микаэль и Леа познакомились в фейсбуке. Двое подростков нашли друг друга в тяжелые времена. Ведь одиночество объединяет как ничто в этом мире. Но как быть, если человек, которому ты раскрыла всю свою душу, неожиданно пропадает? Леа не находит себе места. Ей как воздух необходим ответ на вопрос: где же ты, Микаэль? А затем приходит письмо... Письмо, которое разбивает сердце вдребезги.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6821.161.1

ISBN 978-5-00154-612-2

© Делон Д., 2021

© Издательство CLEVER, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дана Делон

Непрожитая жизнь

© Дана Делон, 2021

© Marta Syrko / Trevillion Images

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2022

* * *

Моим верным читателям

ПЛЕЙЛИСТ:

the paper kites – Willow Tree March

NF – dreams

Daughter – youth

Kaleo – Way down we go

Hurts – Wings

One republic – apologise

Elliott Smith – between the bars

Ed Sheeran – Shape of you (acoustic)

Kaleo – Hot blood

3 doors down – here without you

Sam Tinnesz – when the truth hunts you down

Kaleo – all the pretty girls

Tibz – nation

Глава 1

Микаэль

Медленно открываю и закрываю глаза. Мечтаю. Когда же наступит миг, тот самый миг, когда я больше не смогу выполнить это простое действие? Я представляю, как смотрю на себя сверху: мои глаза закрыты. Они не открываются. Они просто закрыты. Покой написан на моем лице. Час пробил, теперь мое тело будет лежать без всякого движения, и я больше не буду его рабом. В комнату заходит мама, я чувствую запах ее духов и слышу тихие шаги. Я не открываю глаз. Я сплю. Так легче – проспать весь кошмар и всю боль. Я верю в жизнь после смерти, в другие миры и Вселенную. Еще я верю, что был создан для чего-то другого. Не для этого мира. На этот мир во мне обнаружили аллергию под названием «рак». Четыре года назад моя жизнь перевернулась...

Мама уходит. Я открываю глаза и сажусь. Это движение забирает почти все мои силы. Место, где я нахожусь, – это то ли больничная палата, то ли моя комната. Оно не похоже на комнату семнадцатилетнего парня из-за медицинской техники и огромного количества лекарств на тумбочках и столах. Оно не похоже и на палату из-за синих занавесок и моей мебели. Иногда я задумываюсь: что я чувствую к этому месту? Мама хотела, чтобы лечение проходило на дому: она считает, что дома человеку комфортнее, уютнее, спокойнее. Но что такое дом? Я не ощущаю себя дома. Я ощущаю себя никак и никем. Депрессия? Чертовски верно.

Тянусь к компьютеру и захожу в «Фейсбук». Страничка этой девочки все еще открыта, но новых постов нет. Уже три дня молчания – и я словно испытываю ломку по ее иронии и чувству юмора. Обычно она не молчит так долго, обычно она пишет по посту в день. Кликаю на фотографию профиля. Девочка на ней улыбается, и ее глаза блестят. То ли голубые, то ли зеленые, они выделяются на фоне длинных черных волос. Мне нравится этот контраст. Мне нравятся ее губы и форма носа. Я бы даже назвал ее красивой. Я бы даже добавил ее в друзья и написал ей. У нас много общего – музыка, фильмы, книги. Нам было бы о чем поговорить и что пообсуждать. Я бы дарил ей красивые букеты и водил в кино. Встречал после школы и покупал сладости. Я бы хотел планировать с ней каникулы, познакомить ее со своей семьей и быть с ней. Но все это возможно лишь в другой жизни или на другой планете. Со злостью закрываю крышку ноутбука. Глубоко вдыхаю, хотя делать это больно – но больно делать абсолютно все, – ложусь и замираю. Не шевелюсь, погружаясь в некую протрацию между сном и реальностью. Стараюсь заглушить злость, бушующую в душе. Не получается. Внутри меня один за другим взрываются вулканы. Хочется кричать, рвать и метать. Но я не могу – слишком сильную боль вызывает любое мое движение. Вдох, выдох. Вспоминаю ее улыбку и успокаиваюсь. Осторожно поднимаюсь. Нужно принять обезболивающее, но это потом. Я тянусь к компьютеру. Открываю крышку, жду, пока перезагрузится ее страничка. И... она пуста. Две секунды полного непонимания. Вновь перезагружаю страницу, но результат тот же. Страница пуста. Нет ни одного поста. Ни одного. Я смотрю на время: прошел час. За этот час она удалила все, что помогало мне улыбаться. Все, что дарило новые эмоции в течение последних трех месяцев. Удалила все полностью, без остатка. Вновь хлопаю крышкой и нажимаю на красную кнопку. Обезболивающее попадает в кровь и забирает с собой всю боль. Всю – и во мне остается лишь пустота.

Леа

Хотите произвести очистку души от дерьма? Начните со страницы в «Фейсбуке». Не знаю, почему и как это работает. Но удаление собственных постов, которые казались вам воплощением гениальнейших мыслей человечества, наверняка поможет успокоиться. Часа на два. А может, и меньше. А потом вы будете так же продолжать метаться, не зная, куда деться от гнева и печали. Давайте, назовите меня подростком, который принимает все слишком близко к сердцу. Который преувеличивает масштаб катастрофы и вообще склонен фантазировать и надумывать проблемы там, где их нет. Так ведь проще: смотреть на нас как на не понимающих жизнь дураков, свысока наблюдать за нашей глупостью. Ведь взрослые такие умные... Вы ведь умные? Три дня назад меня использовал парень, лишил девственности, бросил. А сегодня утром сосался с моей лучшей подругой прямо у меня перед носом. Пустяки? Вообще ничемная выдуманная проблема? Даже не знаю, что хуже: то, что он сделал это на спор, или то, что я такая наивная дура. Или, возможно, тот факт, что все это произошло в День влюбленных? Вопрос риторический и не требует ответа. И вообще, знаете что? Пошли вы все на фиг! И заберите с собой этот кусок дерьма, в который я умудрилась влюбиться. Да, именно влюбиться. Разве первая любовь не должна быть чем-то прекрасным? Вы ведь умные, вы должны знать. И не надо врать. Я сейчас скажу вам правду. Слушаете? Я вам скажу правду, и звучит она так: все первые разы просто полный отстой. Во время первого поцелуя я не могла понять, что вообще происходит и зачем люди топят друг друга в слюне. Во время первого секса мне хотелось орать на Господа Бога: «Почему, черт бы тебя побрал, мне так больно?» О первой моей любви и говорить нечего. Ею оказался парень, который стал со мной встречаться, потому что поспори́л с друзьями, что порвет меня в течение трех месяцев. Романтично, воздушно, любовно. Вишенкой на торте оказался тот факт, что все это время он тайно встречался с моей лучшей подругой, которая помогала ему в его «миссии». Что должно быть в голове у девушки, которая помогает своему парню переспать с другой? Я вот тоже задалась этим вопросом, а ответ оказался прост: эта девушка меня тихо ненавидела и мечтала сделать мне очень больно. Самое отвратительное – у нее это получилось. Мне больно. Боль разрывает меня изнутри, и к глазам подступают слезы. Я моргаю, стараюсь выровнять дыхание и заглушить истерику. И мне это удастся. Я не буду плакать в школе. Эти любопытные и сочувственные взгляды, перешептывание за моей спиной. Они не увидят моих слез.

Вы спросите: что за дешевый сценарий? Скажете: «Девочка, очнись! Такого не бывает в реальной жизни. Ты пересмотрела подростковых сериалов». Я бы тоже так ответила, не будь все это моей собственной жизнью. Тогда вы пожалеете меня и скажете: «Иди, деточка, домой, поговори с мамой». А что, если дом – это не дом, а просто место, где я ночую? А что, если мама – это не мама, а какая-то чужая женщина, которая меня родила? И что, если я живу с отчимом, который только и ждет, чтобы мне исполнилось восемнадцать и я свалила из ЕГО дома?

«Где же твой папа?» – спросите вы. Ответ: «Я не знаю». Устраивает? Я знаю, кто он. Знаю, что у нас одинаковые глаза и волосы. Еще знаю, что не вижусь с ним с двух лет и не имею понятия, где он в данный момент и с кем. А еще я точно знаю, что никому не нужна. Вы сейчас опять начнете говорить о подростковых гормонах. О том, что мне всего шестнадцать и я слишком остро реагирую. Но мне какая разница? Ведь то, что я чувствую, – полнейшее одиночество, боль и пустота, не знающая границ.

Перечитываю написанное. Хотите выговориться – напишите. Но публиковать не обязательно. Яростно жму на кнопку «удалить». Сначала просто исчезают буквы, затем целые слова, после не остается ничего. Просто белое пространство. Мы с ним чем-то похожи. В моей душе сейчас тоже пусто. Я бы даже сказала – стерильно чисто.

Рафаэль

Яростный стук в дверь будит меня. Мама входит без разрешения, и каждый ее шаг тяжелыми ударами отдается у меня в голове.

– Ты проспал школу, а вчера вернулся поздно в стельку пьяный.

Я не открываю глаз. Я знаю, она смотрит на меня своим убийственным взглядом. Сейчас она скажет, что не собирается такое терпеть.

– Я не собираюсь такое терпеть.

Мои губы расползаются в легкой ухмылке.

– Я сказала что-то смешное? – В ее голосе звучит сталь.

И я знаю: если сейчас перегну палку, все закончится истерикой, слезами, криками, мольбами о жалости. Поэтому я сажусь и открываю глаза. Они болят от солнечного света. Голова гудит, но я делаю усилие над собой и смотрю прямо на нее:

– Вчера отмечали восемнадцатилетие подруги Пьера. Прости, я должен был предупредить, но телефон сел, а номера наизусть я не помню, ты же знаешь.

Она долго смотрит мне в глаза, будто пытается понять, говорю ли я правду. Был ли я с ее обожаемым Пьером или с другими идиотами, которых она отказывается называть моими друзьями. В конце концов она отворачивается и вздыхает, словно принимая свое поражение.

– Раз уж ты не идешь в школу, проведи день с Микаэлем, – шепотом просит она. – Мне кажется, ему одиноко.

Я лишь киваю, и она уходит.

Микаэль... Мой брат-близнец, с которым мы были неразлучны. Микаэль, который лучше, умнее, спокойнее, а внешне – моя копия. Однако в его системе произошел сбой, и последние четыре года своей жизни он умирает от рака. Если в детстве нас не могли различить, то сейчас это не составит труда. Я достаю из-под тумбочки аспирин, встаю и тянусь к рюкзаку, который валяется на полу. Насколько я помню, там была вода. Запиваю и морщусь. Кажется, вода была несвежая, на вкус она отвратительна, но у меня так пересохло горло, что это не важно. Босиком, спотыкаясь о разбросанные вещи, бреду в свою ванную и долго стою под душем в ожидании, когда подействует таблетка. Микаэль – единственный человек на этой планете, который никогда не осуждал меня. Никогда не пренебрегал мною. И никогда не предавал.

Выйдя из душа, я выбираю одежду и, посмотрев в зеркало, вижу нашу общую фотографию, приклеенную к рамке. На ней нам обоим по восемь лет и мы совершенно не отличаемся, даже одеты одинаково. Разные у нас только взгляды: его – умный, а мой – озорной. Вот и все различия. Как же тяжело понимать, что часть тебя умирает! И как тяжело дается осознание, что ты ничего не можешь с этим поделать. Тебе не остановить эту лавину – рано или поздно она накроет дорогого человека и унесет с собой. Понять и принять этот факт практически невозможно. День за днем ты просыпаешься с дырой в груди, с абсолютной пустотой внутри и понимаешь, что не убежишь от надвигающегося будущего и никак не изменишь его.

Выйдя в коридор, я направляюсь в комнату брата. Я никогда не стучу, просто открываю дверь и вижу его лицо. Глаза Микаэля закрыты, ноутбук валяется на полу. Не знаю, спит ли он по-настоящему или всего лишь притворяется. Я ложусь на коричневый кожаный диван, сунув руку под голову. Ну что, поспим вместе. Когда-то мы все делали вместе. Как же я люблю его и как же не хочу, чтобы он умирал! Бездна страха сменяется гневом. С тяжелым сердцем я закрываю глаза, стараясь уснуть. Но щемящая пустота не хочет оставлять меня. Она следует за мной в царство Морфея.

Глава 2

Микаэль

Брат спит на моем диване, и я точно знаю: он не притворяется. Его длинные волосы собраны в хвост. Грудь вздымается и опускается в беспокойном дыхании. Интересно, ему снятся кошмары? Я не бужу его, а внимательно всматриваюсь в каждый дюйм его тела. Он крепко сложен: тренировки по кикбоксингу дают о себе знать. Его майка задралась, обнажая левый бок и открывая моему взору угольно-черный текст татуировки. Она свежая, до сих пор покрасневшая, с нее еще не сошла корочка. Мы близнецы, мы оба похожи на маму. Только он действительно на нее похож, а я похож на ракового больного. Он красивый: черные волосы до плеч, здоровый цвет лица. А я серый, бледный и никчемный. Нет, я не завидую ему. Я счастлив, что он не проходит через то же, что я. Я счастлив, что он красивый, молодой, здоровый. Ведь он мой брат. Моя плоть и кровь. Если бы у меня был выбор, кому из нас достанется эта болезнь, я бы все равно выбрал себя. Самое смешное, я больше чем уверен, что он тоже предпочел бы взять страдания на себя. Только мне эта ноша под силу, а ему, пожалуй, нет. Я принял свою болезнь. Он бы не смог, он слишком любит жизнь и слишком полон страсти.

Рафаэль резко открывает глаза и смотрит прямо мне в лицо. Глаза у него темные, почти черные, в них не видно зрачков. У меня точно такие же глаза, только его опущены густыми ресницами, а мои ресницы давно поредели. Его глаза блестят, а мои тусклые. Вот и вся разница.

– Давно пилишься? – интересуется он. Голос его после сна звучит грубее обычного.

– Ты спал больше четырех часов, интересная была ночь?

Он ухмыляется и дерзко смотрит на меня. Вот это я люблю в нем больше всего на свете. Рафаэль – единственный человек на планете, который не смотрит на меня с жалостью.

– Не представляешь насколько. Мы были в клубе, и я ушел оттуда с двумя близняшками. И угадай что? Как только я рассказал им о тебе, моем дорогом брате-близнеце, эти две крошки решили назначить нам второе свидание. Ну что скажешь? Ты, я и близняшки? – Он утрированно поднимает брови. – Кстати, тот факт, что у них настоящий четвертый размер, должен перевесить чашу весов в твоей голове.

– Перевесить в какую сторону? Я не люблю большую грудь.

– Это потому, что в одной постели с тобой еще не было большой груди, брат мой. Все дело в отсутствии опыта.

Его серьезный тон смешит меня, и я ухмыляюсь.

– Ты сказал им, что твой брат умирает от рака?

Повисает пауза. Не знаю, зачем я произнес это вслух. Но выражение боли на его лице заставляет меня пожалеть о сказанном.

– Извини, Раффи. Просто вырвалось.

Он быстро берет себя в руки и швыряет в меня диванной подушкой.

– Любишь, чтобы тебя жалели, да? Думаешь, если скажешь телкам: «Я умираю, трахнись со мной последний раз?» – это сработает? – Наглая ухмылка на лице и озорные огоньки в глазах – в этом весь Рафаэль. – Не выйдет, братец, ты чертов Мика Делион¹. Львиная кровь. Девки дадут тебе без всякой бредовой истории о последних шансах.

Он вскакивает с дивана.

¹ «Делион» звучит по-французски так же, как «два льва» – deux lions.

– Я чертовски голоден, пойду уничтожу все продукты и вернусь. А потом сделаю тебя в ФИФА.

Резкая смена темы, поспешный побег с моего дивана. Моя фраза уколола его больше, чем мне хотелось.

– Вызов принят, – отвечаю я без особого энтузиазма. – Раф, не мог бы ты, пожалуйста, подать мне компьютер? – Мне нужно еще раз убедиться. Нужно еще раз зайти на ее страницу.

Рафаэль смотрит на меня как на больного. Больного на голову. Он делает так всякий раз, когда я с ним вежлив, и это немного меня смешит.

– Вот, возьмите, сударь, – произносит он, протягивая ноутбук и отведывая мне легкий поклон головой.

– Клоун, – улыбаюсь я.

– А ты маменькин воспитанный мальчик. «Рафаэль, бери пример со своего брата!» – с чувством говорит он, пародируя мамин голос.

С этими словами он закрывает за собой дверь. А я открываю ее страницу. Ее пустую страницу. Леа Санклер. Ноль постов. Ноль фотографий. Ноль интересов. Ноль информации. Что же с тобой случилось, Леа? Почему ты пытаешься стереть собственную жизнь? Стрелка зависла над кнопкой «добавить в друзья». Вдох. Выдох. У нас с ней сейчас есть что-то общее. Моя страничка тоже пуста. Только список бывших друзей, которые периодически пишут и интересуются, не подох ли я еще. Перевожу дыхание. Ты умирающий парень. Ты не боишься смерти. Нет, ты жаждешь ее и живешь в ее ожидании. Ты можешь умереть завтра или послезавтра и не боишься этого. Но тебя бросает в дрожь от одной мысли, что ты можешь добавить ЕЕ в друзья на «Фейсбуке». Ты сам-то видишь весь идиотизм ситуации? А вдруг она отклонит заявку? А вдруг ты завтра не проснешься? Пальцы трясутся. Один клик. Нужен всего один клик. Но я никак не могу решиться. Чувствую, как капля пота течет по лбу. Просто один клик, Мика. Или еще одна упущенная возможность. Дверь внезапно открывается, и, прежде чем я отдаю себе отчет в своих действиях, кликаю на «добавить в друзья». Я, черт меня подери, кликаю! Рафаэль вглядывается мне в глаза.

– Я слишком скоро вернулся?

– Нет, – быстро отвечаю я.

– Тогда почему у тебя такой испуганный вид, будто мама застала тебя за просмотром порно?

Я закатываю глаза:

– Ты просто придурок.

Он пожимает плечами:

– Ну что, готов к очередному проигрышу?

«Нет, не готов, – думаю я. – И ты даже не представляешь насколько...»

Леа

Год назад мне пришла заявка в друзья от некоего Микаэля Делиона, что было весьма любопытно само по себе, ведь его страница была копией моей. Точно такой же пустой и безликой. Я добавила его со словами:

– Дай угадаю. Ты тоже страшный?

Он оценил шутку.

– Не представляешь насколько, – был его ответ с подмигивающим смайликом.

И вот уже целый год я как на привязи. Я жду его сообщений, жду его мыслей, слов, предложений. И когда я получаю очередное его послание, на моем лице появляется счастливая улыбка. Он стал мне другом в трудный период, и за это я безмерно ему благодарна. Мне нравилось общаться с ним инкогнито. Он не видел меня, он не знает, какая я. Он не знал, где

я учусь, что я люблю, какие у меня интересы. Я совершенно новый для него человек. А мне как раз и хочется стать новой.

Толстовки, скрывающие фигуру. Лицо без макияжа. И обувь на плоской подошве – никаких каблучков. Изменения кардинальные. За год из популярной красивой зазнайки я стала безликой серой мышью, которую не замечают в коридоре. И мне это нравится. Мне нравится то, какая я. Я не хочу привлекать внимание, оно мне не нужно. С Микой я чувствую себя самой собой. Я чувствую себя свободной. Как бы банально это ни звучало, но с ним я не должна соответствовать норме. Ему и только ему я могу без фильтра написать собственные мысли и, не перечитывая, отправить сообщение. И мне так любопытно его увидеть! Мне хочется посмотреть в глаза парню, с которым я общаюсь сутки напролет. Человеку, который знает все мои тайные страхи и переживания. Который читал о моих мечтах и надеждах. Человеку, чьи сообщения я жду с особой радостью. Я хочу увидеть парня, который смог преодолеть границы, которые я выставила между собой и внешним миром. Человека, у которого потрясающая душа. Но мне так страшно. А что, если он не шутил, когда писал «не представляешь насколько». А что, если это не парень вовсе, а девочка? Какая-нибудь странная девочка, которой нравится притворяться мальчиком. Множество страшных вариантов всплывает в моей голове. Но я точно знаю: я не смогу спокойно вздохнуть, пока не увижу его. Я готова. Сколько раз я откладывала этот момент! Мне нужно было душевное общение, но сейчас – сейчас я хочу посмотреть, какие глаза у человека, с которым я мечтаю. С которым делюсь сокровенным и которому доверяю любые, даже самые маленькие и незначительные, нюансы своей жизни. Трясущимися руками я набираю текст: «Пришли мне свою фотографию». Простая просьба, но как много от нее зависит! Палец застыл над кнопкой «enter». Перечитываю свое короткое сообщение. Проверяю на ошибки четыре жалких слова. Закрываю глаза и опускаю палец на клавишу.

Все. Сообщение отправлено. Доставлено. Прочитано. Сердце бешено колотится в груди. Тук-тук. Такое ощущение, что оно сейчас взорвется от перенапряжения. Он начинает что-то писать. Я задерживаю дыхание. Мой собеседник останавливается. Я все еще не дышу. Жду. Проходит минута. Перед глазами темнеет. Две минуты. Я закрываю глаза и не шевелюсь. Секунды медленно текут одна за другой. И мне уже кажется, что он никогда не ответит. Вдруг сигнал, оповещающий о новом сообщении, взрывает тишину вокруг. Резко открыв глаза, я вижу фотографию. На ней красивый брюнет средиземноморской внешности. Непослушные блестящие волосы доходят до плеч, взгляд черных глаз устремлен в камеру. Пухлые красные губы приоткрыты в улыбке. На левой щеке видна ямочка. Легкая щетина дополняет весь образ. Он сидит на кровати, а рядом на тумбочке стоят электронные часы, показывающие 22:43. Он сделал снимок две минуты назад. И я радуюсь. Я просто радуюсь. Вглядываюсь в глаза. Неужели эти потрясающие глаза принадлежат ему?

«Ты тоже пришли», – пишет он, возвращая меня в реальность. Я тянусь за телефоном, быстро делаю селфи и отправляю ему. Все. Я перешла Рубикон.

Рафаэль

В последнее время Мика проявляет особый, несвойственный ему энтузиазм. Это не может не радовать. Мама ходит счастливая, и вся атмосфера в доме из серой и безжизненной превратилась в радужно-разноцветную. Я захожу к брату в комнату. Он опять смотрит в комп и даже не замечает моего присутствия. Просто пялится, будто увидел привидение.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

Он вздрагивает. Поднимает голову и фокусирует на мне свой взгляд, не отводя глаз, и продолжает смотреть не моргая.

– Мика, – говорю я, – в чем дело?

Он хватается с тумбочки телефон и кидает мне.

– Сфоткайся, можешь?

Я присаживаюсь на другую сторону постели.

– А зачем?

Верчу телефон в руках, не глядя на брата. Жду ответа.

– Я делаю для мамы видео к нашему восемнадцатилетию, использовал детские фотографии, а твоих взрослых маловато.

Я не говорю ему, что наш день рождения – второго апреля, а сейчас семнадцатое февраля. Я не говорю, потому что не хочу знать, по какой именно причине он заранее готовит для нее подарок. Я просто поднимаю телефон и улыбаюсь в камеру счастливой улыбкой.

– Держи.

Он медленно забирает трубку, словно обдумывая что-то.

– Мама сказала, что ты с кем-то переписываешься, – решаясь нарушить тишину, говорю я. Мне не нравится выражение беспокойства на его лице.

– Да, – коротко отвечает он.

Повисает очередная пауза.

– С кем-то, кто тоже болеет раком? – спрашиваю я, чтобы как-то продолжить этот диалог.

Он поворачивает голову в мою сторону и смотрит прямо в глаза.

– По-твоему, я не могу общаться со здоровыми людьми? – он говорит шепотом, но этот шепот громче всякого крика.

– Я не это хотел сказать, я...

Он перебивает меня:

– По-твоему, у меня нет никаких других интересов, кроме обсуждения своей скорой смерти?

– Мика, – резко обрываю я и встаю с постели, – я просто хотел узнать, с кем ты общаешься.

– Ты просто лишний раз напомнил мне, что я неполноценный человек, умирающий от рака.

Я ничего не отвечаю. Просто выхожу из комнаты, хлопнув дверью. Быстро спускаюсь по лестнице и выбегаю из дома, хватая на ходу шлем от скутера. Сегодня я не вернусь сюда. Сегодня я буду веселиться. За нас двоих. Это мой способ сказать судьбе: «Да пошла ты!»

Глава 3

Микаэль

Конец не приходит внезапно, ты ощущаешь его приближение. Такие тихие, бесшумные шаги, холодное дыхание за спиной. Ты резко открываешь глаза и знаешь: осталось совсем немного до полного освобождения. Наверное, именно понимание того, что тебе осталось совсем чуть-чуть в этом мире, помогает решиться и осуществить сумасшедшие идеи, рожденные в твоём бредовом сознании. Я встаю с кровати и направляюсь к столу. Так давно я не сидел за ним, так давно не держал в руках ручку. Вертя ее в отвыкших писать пальцах, я собираюсь с мыслями.

Достаю из ящика стола черный пустой блокнот, подаренный мне дедом два года назад. На кожаной черной обложке выгравирован герб нашей семьи Делион – два льва с раскрытыми лапами, словно издающие грозный рык. А посередине – большая латинская буква D. Под гербом строгими печатными буквами золотого цвета написано «Микаэль Делион». Сейчас мне кажется, что блокнот все это время томился в ящике моего стола только ради одной цели. Я открываю первую страницу и начинаю писать.

Леа

Стоя под душем, я прокручиваю в голове нашу последнюю переписку с Микаэлем.

«Ты красивая», – написал он.

«Ты тоже, – ответила я, – а еще это значит, что мы оба грязные обманщики».

«Потому что никто из нас не урод?»

«Именно».

И все. На этом все. Далее следует черед моих сообщений: «Мика, привет, как дела? Мика, куда ты пропал? Мика, я переживаю, с тобой все хорошо?» Все это я написала за последнюю неделю, с понедельника по воскресенье. В начале второй недели я поняла, что он не ответит. Он просто исчез из моей жизни так же внезапно, как и ворвался в нее. И мне хочется плакать. Я хочу просить его не оставлять меня, продолжать писать мне буквы, которые создавали слова, которые, в свою очередь, превращались в так любимые мною предложения. Это жалко, грустно, печально. Прошел целый месяц с тех пор, как он исчез. Сегодня семнадцатое марта, а его последнее сообщение пришло семнадцатого февраля. Даже как-то поэтично – получить первое и последнее сообщение в один и тот же день с разницей в один месяц. Я никак не могу перестать об этом думать. Почему он исчез? Мне нужно знать причину, иначе я сойду с ума. Не может быть, чтобы человек проник в душу, ум, сердце, а потом просто пропал. Мне. Нужна. Причина.

Громкий стук в дверь вырывает меня из водоворота мыслей.

– Эй, ты живешь здесь не одна, быстрее выходи и оставь мне горячую воду, достала...

Я не отвечаю. Отчим начинает барабанить в дверь.

– Слышишь, ты, а ну вышла сейчас же. Если через пять минут ванная не будет свободной, я, на хрен, вынесу дверь, ты меня поняла?

Я молча выключаю воду. Беру полотенце, вытираю разгоряченную кожу. Нет смысла говорить, что я только зашла. Нет смысла вникать в его слова и пускать их себе в душу. Но почему они ранят меня? Почему нельзя выработать иммунитет к грубости? Одеваюсь в домашние шорты и майку и иду в свою комнату, закрываю дверь на защелку. На часах 23:56. На дворе

весна, но она очень холодная и серая. И прямо сейчас сильный ливень барабанит по крышам ночного Парижа. Я открываю окно, и в комнату врывается ветер со свежим запахом дождя. Ложусь прямо на пол у окна и слушаю шум падающих капель. И мне интересно, бывает ли им больно, когда они разбиваются о землю? Стоит ли их полет того, чтобы в конечном итоге превратиться в лужу, которая высохнет с приходом солнца?

Закрываю глаза и вспоминаю. Однажды я задала тот же вопрос Мике. И он ответил, что это похоже на жизнь. Мы летаем, мы живем, но каждого ждет конец, просто мы об этом не думаем – или думаем, но не так уж часто. И разве мы боимся жить, потому что крушение в конечном итоге неизбежно? Напротив, мы жаждем как можно больше жизни, и так же, наверное, капли мечтают о полете, представляют его и ждут с нетерпением. Помню, я рассказала Микаэлю о том, что случилось со мной четырнадцатого февраля и как это изменило мою жизнь. Он сказал, что тому ублюдку нужно переломать все кости, и мне стало так приятно, что хоть кто-то не считает его героем, добившимся своей цели! На это Мика предположил, что в моем окружении, очевидно, нет нормальных парней. Я ответила, что в данный момент в моем окружении нет абсолютно никого. И он сказал мне, что у меня есть он.

И я поверила. Он был со мной каждый день, практически каждую минуту, нон-стоп в течение целого года. Его шутки, его мысли, его философия. Помню, однажды он сказал, что мечтает оказаться со мной в Париже. И мы стали писать друг другу о своих мечтах. Да, так бывает, когда два одиночества находят друг друга. Мы писали всякие мелочи: что бы мы делали, где гуляли, что ели, как держались бы за руки и целовались. Мы создали свой мир. Наш мир, который принадлежал только Мике и Леа, и никому больше. И вдруг в один день все прекратилось. Ни сообщений, ни шуток, ни даже банального «прощай». Я так дико скучаю по нему! Мне так сильно не хватает его сообщений со словами «доброе утро», «спокойной ночи», «целую тебя». Того, с чем я жила на протяжении года. Я слушаю шум дождя, и мне хочется свернуться калачиком и заплакать. Но вместо этого я сосредотачиваюсь на дожде. На его шуме. Полностью погружаюсь в звук ветра и капель. Отключаю голову, и нет ничего в этом мире для меня в это мгновение. Этому тоже научил меня Мика.

Я вижу, как он идет. Он выше меня на голову. Черная футболка с длинными рукавами подчеркивает его красивые предплечья. Длинные волосы собраны в хвост. Он остановился на перекрестке, будто в ожидании кого-то, вглядывается в лица прохожих. Достает из кармана джинсов пачку сигарет и медленно закуривает, втягивая и выпуская дым. Я затаиваю дыхание. Он поворачивает голову, и я вижу его лицо. Черные глубокие глаза задумчивы. Он прикусывает губу и очередной раз затягивается. Я стою на месте не шевелясь. Слежу за каждым его движением. На его руке поблескивает кольцо, а запястье перевязано. Он оглядывается в мою сторону и, поймав мой взгляд, смотрит сквозь меня. Будто я пустое место и меня тут нет. Просто нет. Я невидимка.

Он затягивается последний раз, выкидывает окурочек в урну. Слегка нахмурившись, поворачивает направо и исчезает за углом. Он не узнал меня. Не смутился, не спрятался – просто не узнал. Посмотрел как на незнакомого человека и пошел дальше. Что-то сломалось внутри меня в этот момент. С хрустом надломилось и рассыпалось в щепки. Я все еще стояла не шевелясь в надежде, что он вернется и позовет меня по имени.

...Утром меня будит шум машин. Я открываю глаза и вижу до боли знакомые серые тучи, серые крыши и серых людей, которые кажутся такими маленькими там, вдали, и их спешка выглядит такой нелепой. Весь пол вокруг меня мокрый, майка и шорты тоже промокли насквозь. Тихий стук. Запутанные мысли. Это был сон? Стук повторяется, в этот раз настоячее.

– Леа, ты проснулась? – доносится до меня голос мамы.

Да, я спала. Мне снился сон. Такой реальный, что по коже бегут мурашки.

Я поднимаюсь и направляюсь к двери. Трясусь от холода или от шока. Мысленно благодарю Бога за весенние каникулы. Открываю дверь. Мама осматривает меня, качает головой.

– Почему ты такая мокрая? – с нотками раздражения интересуется она.

– Не знаю, – глупо отвечаю я и тру глаза.

Она вздыхает:

– Тебе принесли посылку. Мне не отдают, у курьера распоряжение вручить ее тебе лично в руки. А я опаздываю на работу. – Мама разворачивается, я слышу, как она прощается с курьером, а потом за ней закрываются двери лифта.

Босиком я подхожу к открытой нараспашку входной двери, у которой стоит маленький мужчина с седыми волосами:

– Доброе утро! Мадемуазель Санклер?

– Я давно ничего не заказывала, – говорю я, глядя на маленькую коробочку в его руках.

– Мое дело доставить, – с улыбкой отвечает он. – Распишитесь.

Я вяло расписываюсь на помятой бумажке, которую он тут же прячет в задний карман джинсов. Попрощавшись, бреду в свою комнату, разглядывая коробку. Странно, но на ней нет ни адреса отправителя, ни печатей почты. Только мое имя и адрес, написанные ровными печатными буквами прямо на коробке. Я возвращаюсь в коридор и открываю входную дверь, но, разумеется, курьер уже ушел. Вновь закрывая дверь, я пытаюсь сообразить, что же может быть в коробке. Слегка трясу ее, внутри что-то гремит.

Я иду на кухню, достаю нож и еще раз с недоверием кошусь на странную посылку. Любопытство побеждает, я вскрываю упаковку и вытряхиваю содержимое на кухонный столик. Два конверта и блокнот. Черный, кожаный. Мое дыхание учащается, в горле встает ком. «Микаэль Делион» – выведено золотыми буквами прямо по центру. Я провожу пальцем по его имени, осторожно беру блокнот и конверты и быстрым шагом иду к себе в комнату. Вдох. Выдох. Сажусь на кровать и трясущимися руками открываю блокнот. Бумага приятная на ощупь, гладкая. Мои глаза вглядываются в слегка неряшливый почерк:

«Я хочу рассказать тебе правду. Не знаю, как она будет выглядеть, красиво или откровенно. Я даже не знаю, как рассказать тебе о ней. Но точно знаю, что ты заслуживаешь ее знать».

Мое сердце начинает биться с бешеной скоростью, а клубок мыслей в голове запутывается еще сильнее.

«Начну по порядку. Первое: в эту секунду, когда ты читаешь эти неряшливые закорючки, меня уже нет на этом свете».

Останавливаюсь, перечитываю. Опять останавливаюсь и опять перечитываю. Это должно быть шуткой. Но следующие его слова выбивают воздух из моих легких:

«Да, Леа. Я умер. Это не шутка и не тупой розыгрыш, у меня не настолько нездоровое чувство юмора. Я говорю правду, и правда выглядит так: к тому моменту, когда ты будешь читать эти строки, я, Мика Делион, буду мертв. Но это не начало, а скорее конец. Видишь ли, у меня всегда были проблемы с написанием сочинений. Я прекрасно знаю, что сочинение должно состоять из трех частей: начала, середины и конца. Так что, если ты не против, а ты не можешь отказать умершему человеку, я начну с начала».

Я абсолютно случайно нашел твою страницу в «Фейсбуке». На тот момент она ничем не отличалась от миллиона других страниц. Девочка-подросток, которая учится в старшей школе. Фотографии с друзьями, посты, комментарии. Все как у всех. Но твои посты и твои комментарии выделялись из общей массы. Мне давно не попадалось ничего настолько остроумного, и я давно так не смеялся. Я стал заходить к тебе на страничку каждый день. Это стало моим особенным ритуалом. Размещать свои веселые мысли было твоим хобби, а моим было их читать. Каждый день ты писала что-то новое, и каждый день твои мысли вызывали у меня искренний смех. Но вот однажды твоя страница вдруг опустела. И может, я расценил

это как знак. Будто некая невидимая сила дала мне подзатыльник. Я отправил тебе запрос, и так началась наша дружба. Я знал, что умираю, но мне хотелось писать тебе, как обычный парень писал бы девушке. Хотя кого я обманывал? Обычный парень позвал бы тебя погулять после недели общения. Обычные парни не умирают от рака. Но с тобой я мог забыть. Я мог представить себя самым обычным. С тобой рака не существовало. Были только ты и я, Леа. Сейчас я понимаю, насколько эгоистичны были мои помыслы. Но даже будь у меня возможность вернуться в прошлое, я поступил бы точно так же. Потому что знакомство с тобой – это лучшее, что случилось со мной в жизни. В общем, вот и вся моя история. Вся, так сказать, правда. Я умираю от рака в неполные восемнадцать лет. Тебе не должно быть грустно. Я обрел свободу, о которой мечтал. Это, наверное, и есть середина моего повествования. Большие не будем мусолить тему неизлечимой болезни. Видишь ли, разговоров о ней мне хватало и при жизни. Осталась концовка, и она, пожалуй, самая сложная. Cut the crap², одна из самых любимых мной англоязычных фразочек. Так что все, ближе к сути.

Я прислал тебе не свою фотографию. Ведь на фотографии я не выгляжу больным. Я выгляжу там здоровым молодым парнем без всяких проблем. Дело в том, что на снимке Рафаэль, мой брат-близнец. Если бы я был обычным парнем, то выглядел бы точно так же, как он. Ну разве что был бы гладко выбрит и короче подстрижен. Почему я отправил его фотографию? Причина моей лжи, наверно, и так ясна. Я убегал от неизбежного. Теперь оторвись от чтения, просто оторви глаза от текста на минуту».

Я как зачарованная делаю то, о чем он просит. Перестаю читать, поднимаю голову и тупо смотрю в окно, считая про себя секунды. В голове пусто. До сих пор я читала написанные слова, но их смысл ускользал, словно мой мозг взял обеденный перерыв и сказал: «Меня тут нет». Секунды уходили. Осталось пять, четыре, три, две, одна. И я опускаю глаза к блокноту, вновь берясь за чтение. Будто робот, который автоматически выполнил одно действие и принимается за другое.

«Я не знаю, что меня ждет после смерти. Мне любопытно и страшно одновременно. Но если души существуют, я бы хотел, чтобы моя прилетела к тебе именно в этот момент. Быть может, минуту назад я смотрел бы тебе в глаза и наконец узнал бы, какого они цвета».

Именно в этот миг осознание происходящего накрывает меня холодной волной, и слезинки одна за другой начинают течь из глаз. Тихий стон срывается с моих губ. Мысль «это неправда, этого не могло случиться, просто не может быть» заполняет меня целиком, цепляясь за несуществующую надежду. Но в глубине души я понимаю, что это правда. Не шутка, не розыгрыш, не чья-то больная фантазия, а просто настоящая злая правда. Я вновь испускаю почти неслышимый стон. Я хотела узнать, почему исчез Микаэль, но такая причина меня не устраивала. Нет, абсолютно не устраивала. Трясущимися руками я переворачиваю лист.

«То, что я умер, не означает, что я окончательно ушел из этого мира. Существует общеизвестная фраза: «Мы живы, пока есть сердца, которые нас любят». Мы живы, пока о нас помнят. Леа, я хочу, чтобы ты помнила меня, чтобы ты всегда знала, что у тебя есть я. Возможно, я стану твоим ангелом-хранителем. Возможно, индийское перерождение души не просто легенда и я вновь попаду в этот мир. И может, мы даже встретимся. Если у тебя будет желание писать мне свои мысли, как раньше, пиши. Где угодно. На листе бумаги, в заметках на телефоне, на запотевших оконных стеклах. Просто пиши. У меня такое ощущение, будто я обязательно их прочитаю...»

Мне тяжело дышать, и строчки расплываются перед глазами из-за слез, но я не могу перестать читать.

«У меня есть к тебе очень личная просьба, Леа. Я опять должен бы вспомнить правило «начало, середина, конец», но у меня в голове все ужасно перепуталось, так что я напишу без

² Хватит этой чепухи (англ.).

предисловий, как есть. Мне нужна твоя помощь». Ком встает у меня в горле. «Это касается моего брата – Рафаэля. Ему будет тяжелее всех. И ему нужен будет друг, Леа. Настоящий, искренний друг, которых так мало дарит нам судьба. Я хочу попросить тебя стать его другом. Если ты читаешь эти строки, значит, человек, которому я оставил его, сдержал свое обещание. А еще это значит, что Рафаэль вернулся в Париж. Информацию о том, где он учится и чем занимается, ты тоже найдешь в посылке».

Я кое-как рву белый конверт слабыми пальцами и вытаскиваю два листа бумаги. Первый похож на анкету. В левом углу приклеена фотография, на ней тот самый парень, чье лицо я разглядывала все эти месяцы. Он улыбается, смотрит в камеру, волосы собраны в хвост, а выражение лица веселое, непринужденное.

Под фотографией текст:

«Рафаэль Делион.

Возраст: почти 18 лет. (Последний год фразу «ну мне почти восемнадцать» от него можно было услышать чаще, чем «привет»).

Вес: 83 кг.

Рост: 1,84.

Хобби: игра на гитаре, кикбоксинг. Любимая песня: Queen «We will rock you».

Больше пунктов нет. Я всю жизнь мечтал быть шпионом и получить конверт с целью или заданием».

Я грустно улыбаюсь. На втором листе другим почерком написано:

«Частная школа Paul Claudel d'Hulst. 21 Rue de Varenne³.

Седьмой округ Парижа. Терминал ЕС»⁴.

Я тоже учусь в ЕС. И у меня еще есть время поменять школу. Сумасшествие? Еще какое. Как можно стать чьим-то другом? Стоит ли попробовать? Не знаю. Есть ли у меня план? Уверена ли я? Нет. Готова ли я попытаться? Нет.

«И да, Леа, не говори ему, что мы с тобой дружили или что ты хочешь ему помочь. Этот засранец пошлет тебя в обоих случаях. Сохрани наше общение в тайне. Удачи. Она тебе понадобится. И да, я, конечно, умирающий сумасшедший парень, но насколько бы несуразной ни казалась идея, она реализуема, так как в жизни возможно все».

Я вытираю слезы и перечитываю все вновь и вновь. Раз десять или пятьдесят, а может быть, и все сто. Я не могу оторваться от его обращенных ко мне последних слов. Плача, скуля, я перечитываю каждое предложение, а потом случайно роняю блокнот, и из него выпадает сложенный лист бумаги.

«Мне кажется, нужно попрощаться с тобой как-нибудь по-особенному. Возможно, ты неправильно меня поймешь или не поймешь вовсе. Но сейчас четыре часа утра, я не сплю и мечтаю о тебе. О той идеальной жизни, где бы я держал тебя за руку, а ты улыбалась мне. О той идеальной жизни, где я бы знал вкус твоих губ и запах твоего тела. Мне почему-то кажется, что это не конец. В одной из своих жизней я обязательно узнаю, спишь ли ты на животе и какое мороженое любишь. Я мог спросить. Но не спросил и теперь жалею. Глупо, да? Я люблю тебя. И это не глупо. Микаэль».

В этот момент мое сердце разбивается на миллион осколков. Оно просто взрывается в груди, наполняя ее щемящей болью. Потом я почти весь день сижу на кровати, уставившись в одну точку и не зная, как перестать плакать. В голове ворочается запутанный клубок мыслей. В конце концов я встаю. Аккуратно складываю блокноты в ящик, умываюсь. И опять ложусь.

³ Название и адрес школы.

⁴ Терминал – название выпускного класса. Во Франции обучение в старшей школе составляет 3 года. 10-й класс – секонд, 11-й – премьер и 12-й – терминал. С 10-го класса происходит разделение на три потока: L – литературный, S – научный, ЕС – экономический.

Три дня я пребываю в некой прострации. Такое бывает, когда сознание потихоньку усваивает и принимает потрясшую тебя новость. Тогда ты не понимаешь, спишь или бодрствуешь. Не понимаешь, где ты и что делаешь. Мыслями ты далеко, а все происходящее абсолютно теряет смысл. Ты не знаешь, что тебе делать дальше...

Рафаэль

Холодная вода стекает по моему лицу и груди, вызывая озноб. Зубы стучат, кожа покрылась мурашками. Я стою на балконе под дождем и впитываю в себя всю его злость на этот мир. Капли стучат так сильно, ветер воет так громко, молния и гром разрывают небо. Природа будто пребывает в отчаянной ненависти ко всему вокруг. И я понимаю ее. Я разделяю этот гнев.

Мне так не хватает брата! Такое ощущение, что я умер вместе с ним. Внутри меня царит абсолютная пустота. Я сажусь на пол балкона и сижу до тех пор, пока последняя капля дождя не падает на землю и шум не стихает. Тогда я вскакиваю с места и возвращаюсь в дом. Вода течет с меня на пол, на антикварный персидский ковер. Дедушка будет в восторге. Но с другой стороны, забрать меня в Париж и поселить с Этьеном в качестве няньки и с Селин в качестве собачки на побегушках было исключительно его идеей. Сколько себя помню, Этьен и Селин работали в этом доме. Неужели им еще не надоело? Мои вещи до сих пор в сумках. Селин попробовала их разложить, но я сказал, что займусь этим сам. И вот прошла целая неделя, как я «дома», а я до сих пор спотыкаюсь о чемоданы. Весь мокрый, я ложусь на кровать и вновь открываю ноутбук Микаэля. Пароль. Чертов пароль – и осталось три попытки, после чего все полетит к чертям... «Ее имя – ключ ко всему» – коротенькая подсказка, которую оставил мне брат. Мой милый мертвый братец, ты чертов ублюдок! С силой захлопываю ноутбук. Я перепробовал все женские имена: и значимые, и незначительные. Внутри поднимается новая волна злости и раздражения. Я должен узнать, что внутри этого ноутбука. Мне нужно знать, чем ты занимался в последние месяцы жизни, нужна хотя бы маленькая частичка тебя тут, со мной. Снимаю с волос резинку и встряхиваю головой. Я так сильно тоскую по тебе!

Хватаю лампу с прикроватной тумбочки и кидаю ее в стену. В голове раздается мамин голос: «Ты должен научиться контролировать свой гнев». Ага, и поэтому она отправила меня к деду. Лампа разбивается с таким грохотом, что у меня нет сомнений: Этьен и Селин сейчас прибегут сюда, а утром в два голоса расскажут деду, что я порчу его дорогостоящее имущество. Так что, не дожидаясь очередной нотации, я вскакиваю с кровати. Ключи от скутера и кожанка – вот все, что мне нужно.

Выбегаю на кухню, оттуда через черный ход во двор, где припаркован мой верный друг. А потом меня ждет темный переулок, куда после захода солнца не суется даже полиция. У полицейских своеобразный подход – патрулировать днем, пока там пусто. Отметиться, поставить галочку и свалить. Жалкие трусы. Я сажусь в мокрых джинсах на скутер, завожу его и обнаруживаю, что забыл шлем. Вспоминаю, как два года назад Мика показывал мне отвратительные фотографии парней, попавших в аварию без шлема. Над их головами словно поработала бригада маньяков. «Ты мне больше нравишься со своей наглой ухмылкой», – сказал он тогда. Трясу головой, избавляясь от воспоминания. Вдали отчетливо сияет купол церкви.

«Ненавижу тебя, – думаю я в адрес Бога, с силой сжимая кулаки. – Ты всесильный? Ты можешь убить каждого? Попробуй тогда убить меня. Ну же! Просто попробуй».

Глава 4

Леа

Час ночи. Из коридора доносится оглушительный топот. Отчим ходит так специально, лишний раз доказывая себе и окружающим, что это ЕГО квартира и он может передвигаться по ней как хочет. И плевать он хотел, что сейчас ночь и мы пытаемся спать. Топот злой и нервный, в ночной тишине он тяжело отдается у меня в мозгу. Я не спала несколько суток и сейчас тоже не могу уснуть, голова кипит и раскалывается. Слышны грубые ругательства и громкий стук в мою дверь.

– Какого хрена в доме нет хлеба? Я хочу жрать, за весь день у тебя не нашлось минуты, чтобы оттащить свою тощую задницу в булочную? – Еще один удар кулаком и крик: – Ты ни на что не годишься!

Сворачиваюсь калачиком и закрываю уши руками: «Я не слышу, я ничего не слышу».

– Я к тебе обращаюсь!

Очередной удар в мою дверь. Дверь маминой спальни скрипит.

– Жозеф, ради всего святого, глубокая ночь, не пугай соседей.

И тут начинается... Он орет на нее, она орет на него. Я раскачиваюсь взад-вперед на кровати, заламывая пальцы и мечтая, чтобы все стихло, но крики продолжают. Я велю себе собраться и не реагировать. Не принимать близко к сердцу, не впускать в себя всю эту злую энергию. Но я не могу. Нервы оголены до предела. Очередной крик, брань. Моя голова просто взрывается. И я вскакиваю с кровати: толстовка и сумка – вот все, что мне нужно. Пулей вылетаю из комнаты, и плевать, что я в пижамных штанах, а кеды трудно надеть без носков. Зато спустя две минуты я мчусь по лестнице прочь из этого ада. Я слышу мамин голос, который разносится по всей лестнице. Она кричит, чтобы я немедленно вернулась, но ноги несут меня прочь все быстрее и быстрее. Я выбегаю на улицу. В нашем квартале по ночам очень опасно: неблагополучный район, высокий уровень преступности, но это последнее, о чем я думаю, несясь по улице в час ночи. На глазах выступают слезы. Не знаю почему, но я бегу и плачу. Слезы текут по щекам, они мешают мне видеть, но я не могу их остановить. Вдруг слышу крики и останавливаюсь как вкопанная. Пульс гремит в ушах и мешает сосредоточиться на близком шуме. Я закрываю глаза, считаю до пяти и вновь открываю их. В груди горит, а голова идет кругом, но я делаю усилие и концентрируюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.